

13. Диалоги

— Док, — говорит Редкий Гость Смит, — мне бы хотелось знать — конфиденциально — что вы конкретно знаете об этом тут вот парне, о Хейдьюке?

— Не больше, чем вы.

— Он грубо разговаривает. Хочет взорвать к черту все, что ни увидит. Как вы думаете, может, он один из этих, — как вы их называете, — привыкаторов?

— Редкий, — говорит Док, минутку подумав, — мы можем верить Хейдьюку. Он честен. — Снова подумав, — он так разговаривает, потому что... ну, потому что он озлоблен. У него есть отклонения, но они в правильном направлении. Он нам нужен, Редкий».

— Какое-то время Смит обдумывал его слова. Потом, преодолевая неловкость, сказал:

— Док, я хотел бы сказать, что и вы меня вроде как удивляете тоже. Вы старше нас всех здесь и знаете вы черт знает насколько больше, и потом — вы же доктор. Доктора не поступают так, как вы.

Док Сарвис обернулся, чтобы ответить. Обернувшись, сказал: — Осторожно, не наступите на Cryptanta. Уж больно она колючая. Arizonica?

— Arizonica. — Они не спеша пошли дальше.

— Что касается вашего вопроса: под микроскопом видишь слишком много пораженной ткани. Все эти примитивные кровяные тельца размножаются, как чума. Тромбоциты поедаются. Молодые мужчины и женщины, как вот этот Хейдьюк здесь или Бонни, умирают от потери крови безо всяких ран. Все больше случаев острой лейкемии. Рака легких. Я полагаю, вся беда в неправильном питании, в шуме, в скоплении людей, в стрессах, в воде, в воздухе. Я вижу слишком много этого, Редкий. А будет еще гораздо хуже, если мы позволим им осуществлять их планы. Вот почему.

— Вот почему вы здесь?

— Именно.

Хейдьюк — к Абцуг: — Как насчет Смита?

— А что насчет Смита?

— Почему он всегда старается кинуть гаечный ключ в мои планы?

— Твои планы? Что ты имеешь в виду под «твоими планами», ты, невежда, свиная башка, эгоцентрик несчастный! Его планы! А как насчет нас, всех остальных?

— Я не уверен, можно ли ему доверять.

— Ага, ты ему не доверяешь. Ладно, тогда послушай меня, Хейдьюк. Он — единственный порядочный человек во всей нашей ненормальной компании. Он — единственный, кому я доверяю.

— А Док?

— Док — просто мальчишка. Совершенно невинный. Он думает, что он типа в крестовом походе.

Хейдьюк принял суровый вид. — А мы и есть в крестовом походе. Почему ты здесь, Бонни?

— Первый раз ты назвал меня по имени.

— Ерунда.

— Правда. Первый раз.

— Ладно, черт, в будущем постараюсь быть осторожнее.

— Как уж есть.

— Вот как уж оно к черту есть.

— Все еще думаю, что без этой ненормальной девчонки нам было бы лучше».

— Ты что, Джордж, с ума сошел? Она здесь, посреди всех этих дурацких коммунистических выходов, единственное, ради чего взрослому мужчине стоит тратить время.

— Они оба сумасшедшие, Док.

— Ну, ну.

— Пара ненормальных. Эксцентрики. Неудачники. Полный анахронизм. Сумасброды.

— Ну, ну, они славные парни. Немножко странные, но славные. Этот Капитан Смит, он крепок, как, э-э... стоек и упрям, как э-э... как...

— Кирпичный сарай.

— Юный Джордж, весь огонь и страсть, славный здоровый психопат.

— Явился из отстойника сточных вод.

— Я знаю, я знаю, Бонни. Он трудный. Но мы должны быть терпеливы. Мы, наверное, единственные друзья, какие у него есть.

— Иметь такого друга, так и врагов не нужно.

— Хорошо сказано. Но мы должны помочь ему понять, что мы не такие, как все.

— Ага, я уверена, что это уже слышал и прежде. А Капитан Смит?

— Хороший человек. Лучший. Отличная, здоровая американская основа.

— Ты, пожалуй, немного расист, а? Он вульгарен, он крестьянский сын, деревенщина здешних гор.

— Лучшие люди приходят с гор. Позволь мне уточнить это высказывание: лучшие люди, как и лучшие вина, приходят с гор.

— К тому же еще и женофоб. А откуда берутся лучшие женщины?

— От Бога.

— Ох, черт!

— Из Бронкса. Я не знаю — из спальни и, может быть, из кухни. Кто знает? Да и кому какая разница? Лучше этот холодный и горький мир с женщиной, чем Рай без нее. Перевернись.

— Именно это я и имела в виду.

— Перевернись.

— Иди к черту. Сам перевернись.

— Мужчина жаждет.

— Мужчина может пойти полетать при луне.

— Ну, Бонни ...

— Док, тебе придется сменить подход.

— Ты хочешь сказать, есть какой-нибудь другой способ?

— Нет, я совсем не это хочу сказать. Ты меня когда-нибудь слушаешь?

— Все время.

— Что я сказала?

— То же, что и всегда.

— Понятно. Док, мне нужно кое-что тебе сказать.

— Не думаю, что мне хочется это услышать.

— Редкий, ты чертовски хороший повар. Но, ради Господа Бога, почему мы должны, черт подери, каждый раз есть бобы?

— Так они же, бобы, очень питательные, Джордж. А тебе лучше дерьмо на вертеле? Заткнись и ешь свои бобы.

— Когда изобретут такие бобы, чтоб после них не пукать?

— Над этим работают.

— Но у них же есть все. Организация, и контроль, и средства связи, и армия, и полиция, и тайная полиция. Огромные машины. У них закон, и решетки, и наркотики, и тюрьмы, и суды с судьями. Они такие гигантские. А мы такие маленькие.

— Динозавры. Из литого железа. У них ни единого паршивого шанса против нас.

— Нас всего четверо. Их — четыре миллиона, считая Военно-воздушные силы. Разве мы можем с ними тягаться?

— Бонни, ты думаешь, мы одни? Могу поспорить, — слушай, могу поспорить, есть парни, которые вот в эту самую минуту делают то же, что и мы. По всей стране маленькие группы — по двое, по трое, — оказывают сопротивление власти.

— Ты говоришь о хорошо организованном общенациональном движении.

— Вовсе нет. Вообще никакой организации. Никто из нас ничего не знает о другой маленькой группе. Поэтому они и не могут нас остановить.

— Почему мы никогда об этом не слышим?

— Потому что это подавляется, вот почему; они не хотят, чтобы про это все знали.

— Ты — отставной Зеленый Берет. Откуда мы знаем, что ты подсадная утка?

— Вы не знаете.

— А ты и есть подсадная утка?

— Возможно.

— А как ты знаешь, что я не подсадная утка?

— Я тебя изучал.

— А если ты ошибся?

— Для этого существует нож

— Хочешь меня поцеловать?

— Черт, да!

— Ну?

— Чего?

— Ну, чего же ты ждешь?

— Так... черт! Так ты же — женщина Дока.

— Фиг я его женщина. Я — только своя собственная.

— Да? Н-ну, я не знаю ...

— Ну, я знаю. Поцелуй же меня, ты, урод дурацкий.

— Да? Пожалуй, нет.

— Почему — нет?

— Сначала нужно обговорить это с Доком.

— Можешь идти ко всем чертям в ад, Джордж.

— Я уже там был.

— Ты трус.

— Я трус.

— У тебя был шанс, Джордж, и ты его продул. Можешь теперь жалеть.

— Жалеть? Ни об одной женщине в жизни не жалел. Никогда не встречал женщины, из-за которой стоило бы волноваться. Есть, черт его дери, другие вещи на свете, поважнее, чем женщины, знаешь.

— Если бы не женщины, тебя бы просто не существовало.

— Я ж не сказал, что от них нету проку. Я сказал, что есть вещи поважнее. Оружие, например. Или хороший торцовый ключ. Или отлаженная лебедка.

— О Боже, целая куча. Меня окружают идиоты. Все трое — будущие пастухи. Свиньи из девятнадцатого века. Анахронисты из восемнадцатого века. Неудачники из семнадцатого. Абсолютные импотенты. Если не там — так и нигде, ну, просто нигде. Ты устарел, Джордж.

— Как приличная работа сантехника. Как приличный, — ну, я хотел сказать, как сцепка вагонеток. Как...

— Импотент. Импотент. Старик в свои двадцать пять.

— ...как хорошая охотничья собака на енота. Как хижина в лесу, где мужчина может пописать прямо с крыльца — погоди минутку — где мужчина может пописать прямо с крыльца в любой, черт подери, ей-богу, в любой момент когда ему этого захочется.

Он остановился, не в силах найти никакого другого сравнения.

Абцуг одарила его своей фирменной, своей пренебрежительной улыбкой.

— История прошла мимо тебя, Хейдьюк. — Она повернулась к нему спиной, резко взмахнув гривой своих прекрасных волос. Раздавленный, он молча смотрел, как она уходит.

Позже, вползая в свой засаленный спальник, он придумал (слишком поздно) достойный ответ...

Версия #1

Зверобой создал 22 апреля 2025 04:02:45

Зверобой обновил 22 апреля 2025 04:03:01